

ПОТЧЕВАШСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА «ВИКУЛОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ»

В. В. Илюшина

Вводятся в научный оборот материалы потчевашских погребений, обнаруженных в ходе исследований грунтового могильника XVII–XVIII вв. «Викуловское кладбище», расположенного в Викуловском районе Тюменской области. По погребальному обряду обнаруженные захоронения отличаются от исследованных к настоящему времени потчевашских могильников отсутствием внутримогильных сооружений, признаков использования огня в обряде, а также захоронением в одной могиле нескольких человек. Инвентарь погребений, несмотря на небольшое его количество, уникален — некоторым бронзовым вещам на рассматриваемой территории аналогий пока не найдено.

Викуловский район, грунтовой могильник «Викуловское кладбище», потчевашская культура, погребальный обряд, керамика, инвентарь.

Начало изучения потчевашской культуры можно отнести к 70–90 гг. XIX столетия. Первыми исследованными памятниками являются Потчевашские городище и курганы, расположенные близ г. Тобольска. По материалам этих и ряда других изученных в бассейне Среднего и Нижнего Иртыша памятников В. И. Мошинская выделила потчевашскую культуру раннего железного века, датировав ее серединой I тыс. до н. э. — I в. н. э. [1953. С. 216]. Новые материалы с городищ Логиновское, Большой Лог, Безымянное II, Сперановское и др., Горносталевского поселения, Окуневского, Ирчинского, Лихачевского и других могильников позволили пересмотреть датировку и этапы существования потчевашской культуры. Так, А. С. Чагаева, сопоставив материалы памятников Чувашского Мыса и Омского Прииртышья, пришла к выводу, что комплекс, давший название культуре, принадлежит к двум хронологическим пластам [1970]. Ранний комплекс, представленный керамикой из курганов и рядом предметов инвентаря, действительно относится к культуре раннего железного века и датируется временем, определенным В. И. Мошинской для потчевашской культуры. Поздний комплекс соотносится с потчевашскими материалами, полученными с других памятников, и датируется второй четвертью I тыс. н. э. — VIII в. н. э. [Там же. С. 237].

Рассматривая периодизацию эпохи железа лесостепной территории Среднего Прииртышья и базируясь на результатах исследований городища Большой Лог, Горносталевского поселения и дополнительного обследования Потчевашского городища, В. Ф. Генинг с соавт. пересмотрели хронологию потчевашской культуры, предложенную В. И. Мошинской, и отнесли ее существование к V–VIII вв. н. э. [1970. С. 216]. В результате анализа обширных материалов поселенческих и погребальных комплексов авторы выделили два этапа развития культуры — ранний сперановский и поздний горносталевский и отнесли ее к крупной этнокультурной общности, сложившейся в середине I тыс. н. э. на большей части территории Приобья [Там же. С. 222–223].

В. А. Могильников определял рамки существования рассматриваемой культуры VI — первой половиной IX в. до н. э. [1987. С. 192].

В. И. Молодин с соавт., исследуя памятники потчевашской культуры Барабы, предложили нижней хронологической границей сперановского этапа считать II–III вв. н. э., верхней этого же этапа — V–VI вв., а горносталевский этап рассматривать в рамках VI — IX–X вв. [Бараба..., 1988. С. 166]. Позднее В. С. Елагин и В. И. Молодин, анализируя материалы открытых и в разной степени изученных городищ, поселений и могильников, расположенных в лесостепной Барабе по рекам Омь, Тартас, Тара, Кама и др., пришли к выводу, что сперановский этап потчевашской культуры как для Прииртышья, так и для Барабы охватывает II–I вв. до н. э. — V–VI вв. н. э., а с VI в. н. э. начинается постепенное перерастание раннего этапа культуры в последующий горносталевский [1991. С. 103, 110].

Памятники потчевашской культуры локализуются в южной подзоне тайги, в лесостепи Среднего и Нижнего Прииртышья, Приишимья и Барабы. К настоящему времени количество потчевашских городищ, поселений, селищ, местонахождений, курганных и грунтовых могильников превысило 150 [Могильников, 1987. С. 184–185; Конилов, 2007. С. 41–51, 248].

Потчевашские погребения из грунтового могильника «Викуловское кладбище»

Могильники, как и основная часть поселенческих комплексов, как правило, располагались на довольно высоких мысах коренных террас рек (Окунево III, Лихачевский грунтовой могильник) или озер (Калачики II) [Генинг, Зданович, 1965; 1986. С. 119; Очерки культурогенеза..., 1994. С. 260]. Один из таких грунтовых могильников был выявлен у с. Викулово в ходе исследований 2008 г.

В 2007 г. во время разведочных работ в Викуловском районе был обнаружен грунтовой могильник «Викуловское кладбище» с русскими погребениями XVII–XVIII вв. [Илюшина, 2008. С. 24–25]. В мае 2008 г. раскопом площадью 293 м² была исследована часть могильника, которая должна была быть уничтожена в результате строительства автодороги.

Грунтовой могильник «Викуловское кладбище» находится в западной части грибовидного останца, вытянутого с З на В, на древней восьмиметровой террасе р. Ишим (рис. 1).

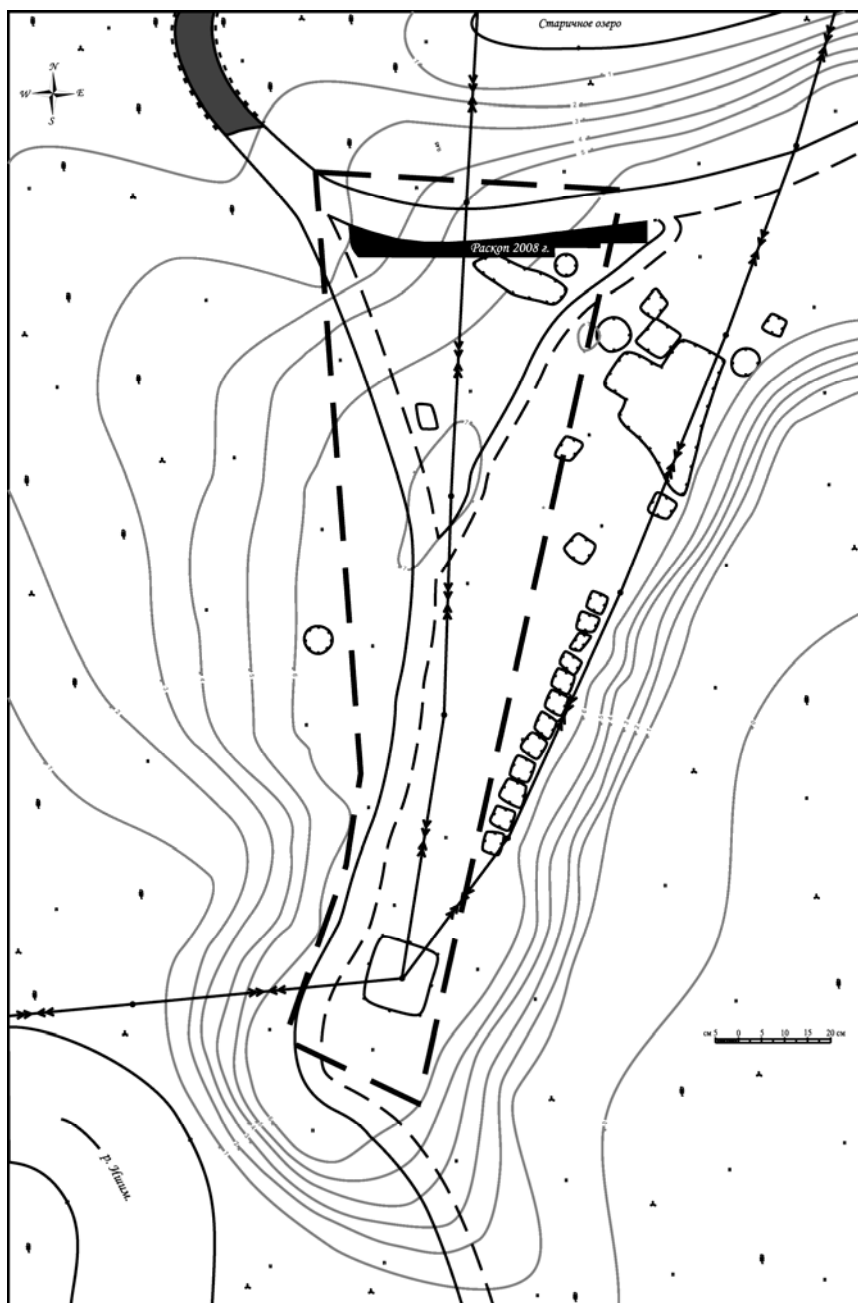

Рис. 1. План грунтового могильника «Викуловское кладбище»

В результате исследований были выявлены остатки рухнувшей наземной конструкции (на веса), относившейся, по всей видимости, к жилому дому, оставленному русскими поселенцами, а также 26 погребений. Из них 24 относятся к русскому населению, о чем свидетельствуют деревянные конструкции — колоды, характерные для русского погребального обряда, положение рук умерших, хорошая сохранность костяков.

Два из обнаруженных в ходе раскопок погребений¹ относятся к эпохе средневековья (рис. 2). Обе могилы располагались в восточной части раскопа в секторе 1 и были перекрыты слоем, оставленным русскими поселенцами.

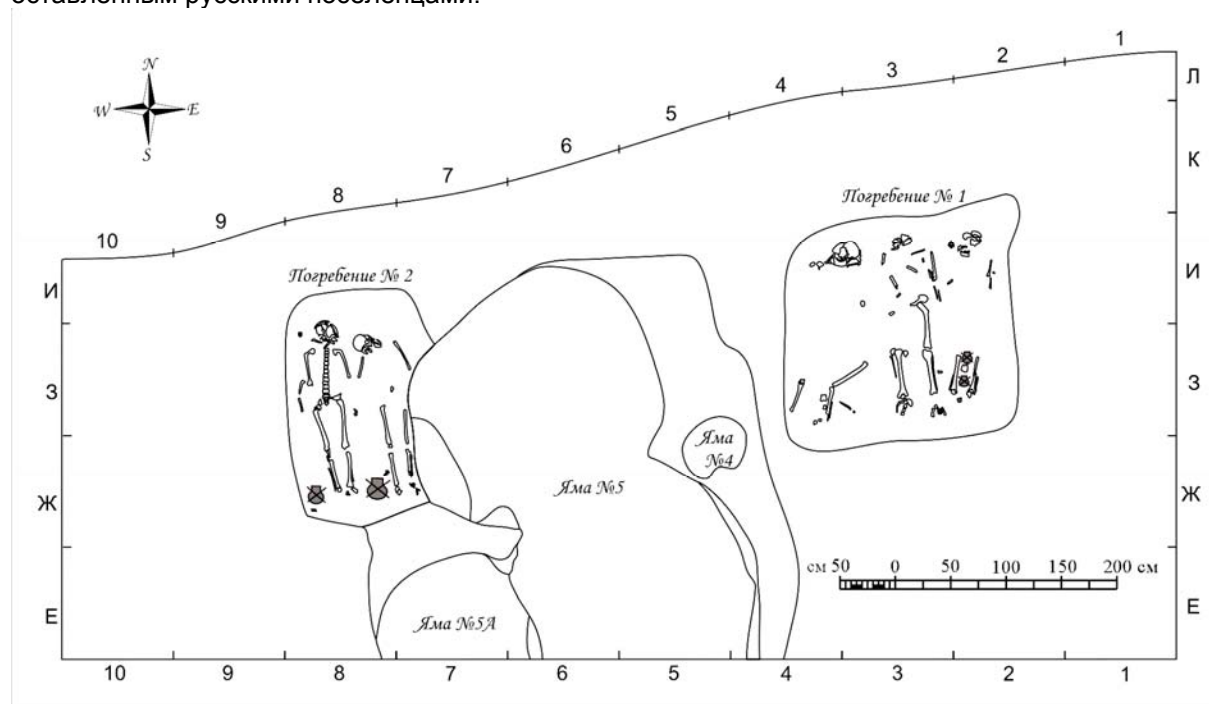

Рис. 2. Могильник «Викуловское кладбище». Потчевашские погребения

Погребение № 1. Располагалось в восточной части сектора (рис. 2). Могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами проявилась на глубине около 0,6 м от современной дневной поверхности, причем у северной стенки могилы были обнаружены свод черепа, ключица, а у южной стенки — берцовая кость. Могила размерами 1,75×2,0 м, глубиной 0,04–0,08 м от уровня материка, заполненная темно-серо-желтым суглинком, по длинной оси была ориентирована с С на Ю. На поверхности заполнения погребения были зафиксированы три ямки, скорее всего, от конструкции, оставленной русским населением.

В могиле были обнаружены остатки предположительно четырех костяков. Культурный слой памятника сложен суглинком, однако сохранность костей плохая, по всей видимости, вследствие того, что погребение было потревожено русской постройкой.

Костяк 1. Находился у западной стенки погребения. Сохранились бедренная, большая берцовая и обе малые берцовые кости. Ввиду фрагментарности костных остатков пол и возраст погребенного определить не удалось². По положению костей можно предположить, что погребенный был ориентирован головой на С.

Костяк 2. Также располагался у западной стенки погребения. Погребенный, мужчина 35–40 лет, лежал на спине в вытянутом положении головой на С. Сохранились фрагменты височных, теменных костей, затылочная и лобная кости, фрагменты верхней челюсти, нижняя челюсть (отколоты ветвь и мышцелок), ключицы.

Костяк 3. Находился в центре могилы, в том же, что и костяк 2, положении и был так же ориентирован. Сохранились кости рук (фрагменты локтевой и плечевой костей), фрагменты

¹ Погребения № 1 и 2 согласно общей нумерации могильных ям «Викуловского кладбища».

² Здесь и далее определения О. Е. Пошехоновой, за что автор выражает ей благодарность.

Потчевашские погребения из грунтового могильника «Викуловское кладбище»

лопатки и ключицы, фрагмент тазовой кости, малые берцовые и одна большая берцовая кости, левая бедренная кость. Скорее всего, была погребена взрослая женщина; признаков, указывающих на возраст более точно, не зафиксировано.

У левой берцовой кости находилось два развала сосудов (рис. 3, 3, 4). К югу от них была обнаружена полировальная плитка из мелкозернистого песчаника (рис. 3, 5).

Костяк 4. Находился у восточной стенки могилы. Погребенный 15–17 лет (пол не определен) лежал на спине в вытянутом положении, головой на С. Сохранились фрагменты черепа, верхней и нижней челюстей, плечевой и локтевой костей, большие и малые берцовые кости, отдельные кости стопы. В районе черепа (в 0,15 м правее от него) была обнаружена бронзовая орнитоморфная бляшка, крепившаяся на одежду или головной убор (рис. 3, 2).

Рис. 3. Могильник «Викуловское кладбище». Погребение № 1:
1 — план погребения; 2 — бронзовая орнитоморфная бляшка; 3 — сосуд 1;
4 — сосуд 2; 5 — полировальная плитка из мелкозернистого песчаника

Погребение № 2. Располагалось в западной части сектора 1 (рис. 2). Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами проявилась после зачистки третьего горизонта на глубине около 0,6 м от уровня современной дневной поверхности. Могила размерами 1,35×2,2 м, глубиной 0,11–0,19 м от уровня материка по длинной оси была ориентирована с С на Ю. Заполнение центральной части погребения составлял темно-серо-желтый и темно-серый суглинок, по краям фиксировался желтый суглинок, а с северной стороны выделялась узкая полоса коричневого суглинка. В восточный край могилы была врезана яма, скорее всего являвшаяся печкой для обжига керамических изделий у русских поселенцев, в связи с чем был потревожен один из костяков.

В могиле были обнаружены остатки двух костяков. Как и в погребении № 1, сохранность костей плохая.

Костяк 1. Находился у западной стенки погребения. Погребенная, женщина 50 лет, лежала на спине в вытянутом положении головой на С. Сохранились нижняя челюсть (ветви сломаны), правая плечевая кость, фрагменты тазовых костей, бедренные и берцовые кости, фрагменты левой стопы.

В ходе зачистки погребения была обнаружена бронзовая подвеска (в 0,15 м левее черепа), интерпретированная нами как изображение свернутой в спираль змеи (рис. 4, 2). За головой погребенной найдена маленькая бусина из желтого стекла, которая, по всей видимости, была пришита к головному убору либо вплетена в волосы (рис. 4, 6). В районе левого запястья находились бронзовый перстень с ромбическим щитком и фрагмент изделия из железа, скорее всего ножа, сильно поврежденного коррозией (рис. 4, 4, 9). Справа от ног обнаружен сосуд, поставленный вверх дном (рис. 4, 3). С южной стороны от сосуда был расчищен обломок плитки мелкозернистого песчаника, идентичной плитке, найденной в погребении № 1 (рис. 4, 5).

Костяк 2. Располагался у восточной стенки могилы. Погребенная, женщина в возрасте около 20 лет, лежала на спине в вытянутом положении головой на С. Сохранились лобная, теменные, височные, затылочная кости, фрагменты верхней и нижней челюстей, правая и левая бедренные, малые и большие берцовые кости (эпифизы обломаны). У правой берцовой кости были обнаружены обломок железного ножа и фрагмент бронзового изделия прямоугольной формы. Справа от ног погребенной находился сосуд (рис. 4, 7, 8, 10).

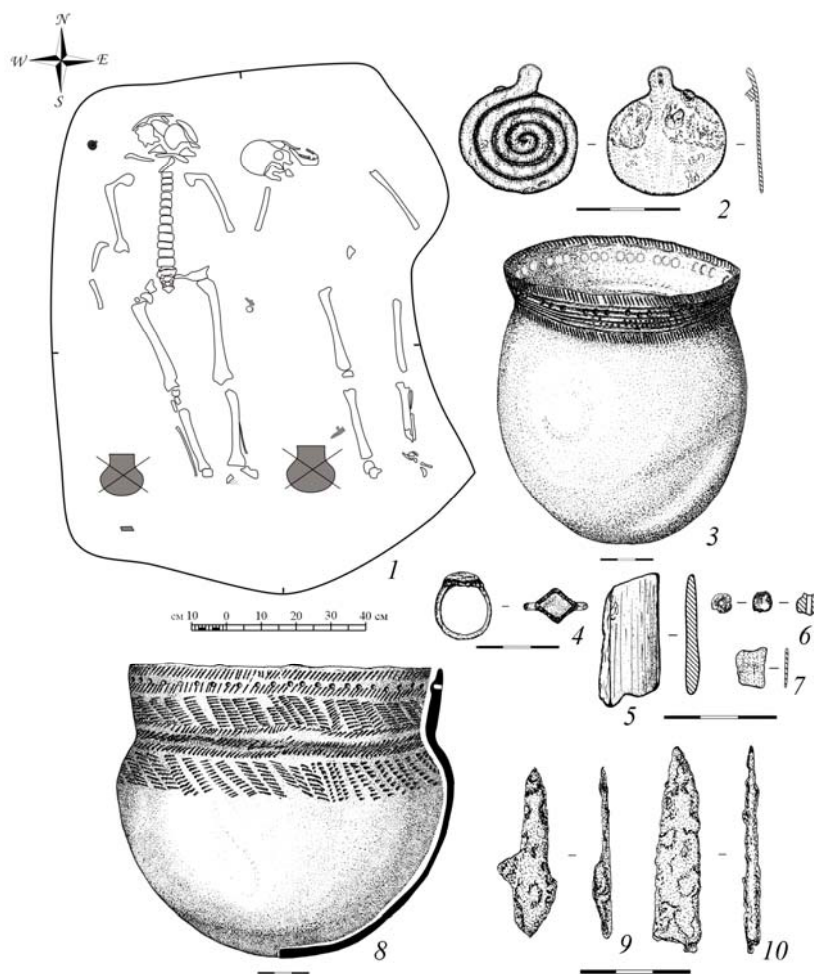

Рис. 4. Могильник «Викуловское кладбище». Погребение № 2:

1 — план погребения; 2 — бронзовая подвеска-«змея»; 3 — сосуд 1;
4 — бронзовый перстень; 5 — полировальная плитка из мелкозернистого песчаника; 6 — бусина из желтого стекла; 7 — обломок изделия из бронзы; 8 — сосуд 2; 9, 10 — фрагменты железных ножей

Таким образом, исследованные захоронения по погребальному обряду, инвентарному набору, сосудам полностью соответствуют потчевашским, хотя и отличаются от известных погребений небольшим количеством находок, отсутствием деревянных конструкций и признаков использования огня в обряде.

Потчевашские погребения из грунтового могильника «Викуловское кладбище»

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что обнаруженный потчевашский могильник был грунтовым — при инструментальной съемке памятника не было зафиксировано никаких признаков курганных насыпей. Как мы уже отметили выше, в найденных погребениях не выявлено деревянных конструкций, хотя в таких грунтовых могильниках, как Окунево III, Лихачевский, прослежены остатки внутримогильных сооружений. По мнению исследователей, погребенного укладывали на берестяную подстилку, вдоль стенок могилы сооружали деревянную раму, на которую опиралось перекрытие из продольных жердей, сверху жерди перекрывали несколькими слоями бересты (в Лихачевском могильнике на таких перекрытиях четко фиксировались следы срезов и выкраивания) [Генинг, Зданович, 1986. С. 123; Могильников, 1987. С. 187; Очерки культурогенеза..., 1994. С. 160].

Для потчевашского погребального обряда характерны два способа захоронения — кремация и ингумация, в некоторых случаях оба способа сочетаются в одном могильнике (например, Окунево III). Исследования могильников показывают, что огонь вообще играл значительную роль в обряде захоронения: так, на Лихачевском грунтовом могильнике большинство погребений несут следы огня в виде прокалов, обуглившихся деревянных конструкций и частичной обожженности скелетов (особенно в погребении № 7) [Генинг, Зданович, 1986. С. 124–125]. По данным изученных нами погребений можно говорить только об обряде ингумации.

Что касается ориентации погребенных, то в исследованных к настоящему времени могилах она различна. Так, на Окуневском III могильные ямы преимущественно были вытянуты в направлении северо-восток — юго-запад, а погребенные в основном располагались головой на ССЗ [Конилов, 2007. С. 71]. На Лихачевском могильнике 29 исследованных захоронений по ориентации погребенных были разделены авторами раскопок на пять групп: 18 погребений ориентировано на СЗ, 2 погребения — на С, 5 погребений — на З, 3 погребения — на ЮЗ и 1 погребение — на ВЮВ [Генинг, Зданович, 1986. С. 123–124]. В Утузском курганном могильнике погребенные были ориентированы головой на СЗ [Могильников, 1973. С. 96–97]. На «Викуловском кладбище» все погребенные были уложены головой на С.

В исследованных ранее могильниках, как правило, захоронения одиночные, лишь на Лихачевском обнаружено одно парное [Могильников, 1987. С. 187]. Однако по богатому инвентарю некоторых могил Окунева III (XX, V), его принадлежности к мужским и женским аксессуарам исследователи предположили, что захоронения могли быть парными [Конилов, 2007. С. 71]. На «Викуловском кладбище» зафиксировано парное погребение (№ 2) и захоронение, содержащее четырех погребенных (№ 1). Было ли в последнем два парных захоронения или каждый погребенный находился в отдельной могильной яме — на этот вопрос однозначно ответить нельзя.

Как мы уже отмечали, изученные погребения содержат небольшое количество инвентаря, в котором можно условно выделить уникальные и типичные для потчевашской культуры предметы. К типичному и широко распространенному инвентарю относятся найденные в погребениях № 1 и 2 полировальные плитки из мелкозернистого песчаника для обработки плоских металлических изделий³ (рис. 3, 5; 4, 5). находка из погребения № 1 (размерами 5,2×4,4×0,5 см) представляет собой плоскую плитку, у которой все края оформлены на абразиве. Плитка имеет две плоские рабочие поверхности, одна из плоскостей чуть вогнута в центре. На рабочих площадках отмечается выраженная зашлифованность с металлическим блеском. Абразив из погребения № 2 (размерами 3,2×1,6×0,3 см) по своим характеристикам идентичен описанному выше, за исключением того, что обладает только одной рабочей поверхностью. Также к типичному инвентарю можно отнести бусину и обломки железных ножей из погребения № 2 (рис 4, 6, 9, 10). Б. А. Конилов выделил три варианта потчевашских ножей [2007. С. 94], но фрагментарность найденных нами изделий не позволяет соотнести их с каким-либо из них.

Найденные в погребениях сосуды по морфологическим признакам, технике орнаментации и композициям соответствуют типичной потчевашской посуде. Согласно А. А. Адамову, для потчевашской культуры характерны две основные формы сосудов: круглодонные с высокой шейкой и шаровидным туловом и невысокие толстостенные чаще всего овальные жаровни с наклонными наружу стенками и уплощенным дном [Адамов, 2000. С. 46; Адамов и др. 2008. С. 47]. Б. А. Конилов выделил три типа посуды — горшки, которые, в свою очередь, делятся на три варианта; чаши и ладьи [2007. С. 91–93]. В. А. Могильников описал четырем типа форм сосудов — во-первых, сосуды с прямой высокой шейкой и шаровидным туловом; во-вторых, сосуды с высокой

³ Трасологический анализ проведен С. Н. Скочиной, за что автор выражает ей благодарность.

шейкой, наклоненной внутрь и плавно переходящей в вытянутое овальное тулово; в-третьих, сосуды чашевидной формы без профилированной шейки, с прямой или слегка суженной, редко расширенной, горловиной, с уплощенным, иногда скошенным внутрь и утолщенным венчиком; в-четвертых, невысокие толстостенные овальные жаровни [1987. С. 190–191].

Обнаруженные сосуды четко соответствуют выделенному Б. А. Кониковым первому варианту первого типа посуды [Конилов, 2007. С. 91–93]. В морфологическом отношении все четыре сосуда идентичны друг другу: они имеют скошенный наружу или внутрь, плоский срез венчика (в двух случаях он орнаментирован насечками, выполненными гребенчатым штампом), слегка отогнутую наружу шейку, выпуклое плечико, раздутое тулово и округлое днище (рис 3, 3, 4; 4, 3–8). У всех сосудов отмечено характерное для данного варианта потчевашской посуды утончение стенок от устья к дну. Диаметр горловин варьируется от 13 до 21 см. Обжиг сосудов производился в костре, о чем говорит неравномерная окраска внутренних и внешних стенок от светло-коричневого до темно-серого цвета. На всех сосудах с внутренней стороны, а на некоторых и с внешней, имеется достаточно мощный пригар.

Все горшки украшены горизонтальными рядами оттисков косо поставленного гребенчатого штампа (на трех из них имеются «лесенки», выполненные этим же штампом), прочерченными желобками и горизонтальным рядом глубоких ямочных вдавлений, расположенным по краю шейки и образующим жемчужины с внутренней стороны сосудов. У сосуда 1 из погребения № 2 ямки сгруппированы по три (рис. 4, 3). В целом орнамент располагается на шейке и плечике сосуда, не спускаясь даже до середины тулова.

Очень интересны и уникальны находки бронзовых цельнолитых изделий — бляшки, изображающей орла с распростертыми и опущенными книзу крыльями, с поставленной анфас головой, загнутым книзу клювом и декором из жемчужин, и подвески в виде змеи, свернутой в спираль (рис. 3, 2; 4, 2).

Орнитоморфные рисунки и скульптурные изображения птицы, зооморфные фигурки в целом из разных материалов на территории Сибири известны с древнейших времен. Изготовление мелкой пластики из бронзы и серебра было широко распространено в раннем железном веке, а в эпоху средневековья достигло своего расцвета.

Бронзовые фигурки птиц плоского литья известны по материалам кашинской, иткульской культур в Приишимье, Притоболье, Среднем Зауралье [Матвеева, 1994. С. 130–135; Бельтикова, 1993. С. 60–62]. Из могильников саргатской культуры происходят объемные фигурки птиц (например, из погребения 2 кургана № 7 могильника Чепкуль 9) [Зах, 2008. С. 14]. Довольно большое количество разного рода изображений из металла найдено в поселенческих и погребальных комплексах раннего железного века, изученных в урочище Барсова гора на правом берегу Оби в окрестностях г. Сургута [Чемякин, 2002. С. 214–245; 2008]. Ю. П. Чемякин обнаруженные на Барсовой горе изображения разделил на четыре типа, в их числе — орнитоморфные изображения. Первый их подтип включает в себя одноголовые простые фигурки с опущенными и чуть расставленными крыльями и делится на два вида — изображение дневных хищных птиц и изображение совы [Чемякин, 2002. С. 217, 227]. Второй подтип составляют трехголовые изображения, внутри него также выделяется два вида — простые фигурки с одновидовыми головами и плоские изображения с разнovidовыми головами [Там же. С. 229]. Некоторые из рассмотренных автором изображений относятся к белоярской культуре [Чемякин, 2008. С. 71–72, 164], предшественнице кулайской. Бронзовое литье антропо- и зооморфных фигурок занимало в кулайской культуре особое место, при этом зооморфные изображения преобладали. В искусстве кулайцев превалировало плоское литье, реже встречается объемное [Троицкая, Новиков, 2004. С. 85].

Также, например, бронзовые фигурки хищной птицы, относящиеся к пермскому звериному стилю, известны по материалам Гляденовского костяка на окраине г. Перми и поселения Море-Ю, расположенного в северной части Большеземельской тундры [Лепихин, Мельчук, 1999. С. 29; Грибова, 1984. С. 98–99].

Потчевашские орнитоморфные изображения происходят из Лихачевского, Окуневского III могильников, с поселения Туруновка 3 [Генинг, Зданович, 1965. С. 24; Могильников, Конилов, 1983. С. 166–167; Конилов, 2007. С. 192]. Подобные изображения орла и других птиц с передачей оперения разнообразными орнаментами, в том числе жемчужинами, относятся к релкинской культуре раннего средневековья Среднего Приобья [Чиндина, 1991. С. 54, 60, 162].

Потчевашские погребения из грунтового могильника «Викуловское кладбище»

Прямой аналогией найденному в грунтовом могильнике «Викуловское кладбище» является изображение орла из погребения II Окуневского III могильника. Захоронение было совершено по обряду кремации, датировано концом VI — VII в. [Могильников, Конилов, 1983. С. 164–165].

Прямых аналогий подвеске в виде свернутой в спираль змеи пока нет, хотя в целом образ змеи также довольно распространен в металлопластике средневековых культур Прииртышья, Приобья, Прикамья и других территорий. Из погребения № 8 кургана № 74 курганного могильника Паново I происходит зооантропоморфная бляха: у животного змеиное туловище, орнаментированное жемчужинами [Конилов, 2007. С. 77, 443–444]. Бронзовая подвеска-змея, свернутая в спираль, найдена в одном из могильников Сургутского Приобья и датирована последней четвертью VII — третьей четвертью VIII в. н. э. [Карачаров, 1993. С. 111, 113]. Из погребения 28 могильника Барсов городок происходит подвеска из тонкого бронзового листа в виде закрученного в спираль животного, который одной лапой схватился за хвост [Арне, 2005. С. 29, 95]. Бронзовая бляшка найдена в одном из погребений курганного могильника Алексеевка 1 [Тихонов, 2007. С. 82]. Также бронзовая подвеска в виде свернутой в спираль змеи с реалистично изображенной головой, находящаяся в коллекции П. Э. фон Баэра, была обнаружена на Средней Печоре [Буров, 1984. С. 33, 35]. Изображение свернутой в спираль змеи с орнаментированным туловищем и реалистично переданной головой известно из коллекции Прикамья [Оборин, 1976. Рис. 23, а].

Обнаруженный в погребении № 2 бронзовый перстень с ромбическим щитком, скорее всего отлитым в каменной форме и припаянным к кольцу, также можно отнести к уникальным находкам (рис. 4, 4). В целом потчевашские перстни редки, в опубликованных материалах памятников рассматриваемой культуры аналогий данному предмету нет. Перстни с ромбическим щитком происходят из погребений 5 и 6 Перейминского могильника, отнесенного В. Н. Чернецовым к карымскому этапу и датированного им IV–V вв. н. э. (позднее В. А. Могильников датировал материалы этого могильника VII–VIII вв. и отнес их к молчановской культуре) [Чернецов, 1957. С. 167–170; Могильников, 1987. С. 167]. Подобный перстень с гладким ромбическим щитком, отнесенный А. А. Спицыным к X в. н. э., известен по пермским материалам могильников и кладов, находящимся в коллекции Теплоуховых [Спицын, 1902. С. 32].

Датировка обнаруженного могильника довольно затруднительна. Бронзовая бляшка в виде орла из погребения № 1 на основании прямой аналогии с бляшкой из Окуневского III могильника может быть датирована, вслед за Б. А. Кониловым и В. А. Могильниковым, концом VI — VII в. н. э. Бронзовый перстень из погребения № 2, судя по найденным аналогиям, дает широкую дату — от VII до X в. н. э. Исходя из орнаментации сосудов — отсутствия фигурного штампа, характерного для раннего периода существования потчевашской культуры [Бараба..., 1988. С. 124], можно полагать, что погребения относятся к более позднему времени.

Таким образом, анализ вещевого набора и орнаментации сосудов, обнаруженных в погребениях, позволяет предварительно датировать могильник «Викуловское кладбище» в рамках VII–IX вв. н. э. Дальнейшие исследования памятника, на наш взгляд, могут способствовать более точной датировке и соотнесению его с каким-либо из этапов развития потчевашской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамов А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Омск: ОмГПУ, 2000. 95 с.
- Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск: археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
- Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2005. 184 с.
- Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
- Бельтикова Г. В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н. э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 38–75.
- Буров Г. М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском Северо-востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. С. 32–45.
- Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Отчет о раскопках Лихачевского могильника (VII в. н. э.) в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2865. М., 1965.
- Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачевский могильник на р. Ишим — памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986. С. 119–133.

В. В. Илюшина

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд. ТГУ, 1970. С. 229–237.

Грибова Л. С. Культовая бронзовая пластика Хэйбидя-Пэдары // ТИЯЛИ. Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. Вып. 33. С. 90–106.

Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.

Зах В. А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // ВААЭ. 2008. № 9. С. 4–21.

Илюшина В. В. Разведочное археологическое обследование правобережья и левобережья р. Ишим в Ишимском и Викуловском районах Тюменской области в 2007 году // Архив ЛА ИПОС СО РАН. Тюмень, 2008. 62 с.

Карачаров К. Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 110–118.

Конигов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2007. 466 с.

Лепихин А. Н., Мельчук А. Ф. Гляденовское костыше: материалы раскопок 1995–1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея: Каталог. Пермь, 1999. 77 с.

Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Могильников В. А. Археологическая разведка на севере Омской области // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 92–99.

Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.

Могильников В. А., Конигов Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.

Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш: (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. 1953. № 35. С. 189–220.

Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976. 190 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 475 с.

Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых: Атлас рисунков. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1902. 70 с.

Тихонов С. С. Культовые бляхи и воинские пояса из Среднего Прииртышья // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 81–82.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Археология Западно-Сибирской равнины: Учеб. пособие. Новосибирск, 2004. 136 с.

Чагаева А. С. О хронологии памятников Чувашского мыса // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 229–237.

Чемякин Ю. П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // ВАУ. 2002. Вып. 24. С. 214–245.

Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.

Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э.: обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–245.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

Subject to introduction into scientific circulation being data on the Potchevash burials found under investigations of "Vikulovo cemetery" burial ground of the XVIIth–XVIIIth cc. in Vikulovo District, Tyumen Oblast. As far as a burial rite is concerned, the found burials, compared with the Potchevash ones investigated by this time, differ in the absence of intra-grave constructions, signs of using fire in the rite, and burying several persons in one grave. Despite the small number, the burials' inventory is unique, containing several bronze articles with no analogues found so far on the considered territory.

Vikulovo District, "Vikulovo cemetery" burial ground, the Potchevash culture, burial rite, pottery, inventory.